

УДК 14.87(-22)(571.53)
<https://doi.org/10.26516/2073-3402.2023.46.65>

Трансформация сельских систем расселения Иркутской области в условиях депопуляции (на примере Чунского районного муниципального образования)

Ю. М. Зеленюк*

Иркутский государственный университет, г. Иркутск, Россия

С. А. Салатин

Институт географии им. В. Б. Сочавы СО РАН, г. Иркутск, Россия

Аннотация. На примере Иркутской области раскрываются изменения системы сельского расселения под влиянием процесса депопуляции. Рассматривается период с первой после распада Советского Союза Всероссийской переписи населения 2002 г. до последней 2021 г. Геоинформационное картографирование показывает ярко выраженную деградацию сельского расселения большинства муниципальных районов области за пределами Иркутской агломерации. Результаты проведенного исследования на примере одного из муниципальных районов области – Чунского – выявили, что процессом депопуляции охвачены все населенные пункты: городские и сельские, разные функциональные и расселенческие типы, с центральным и периферийным внутрирайонным географическим положением. Основным триггером данного процесса выступает экономический фактор: деаграризация сельской местности, уменьшение производственных функций сельских населенных пунктов вследствие нестабильности промышленных и аграрных хозяйствующих субъектов, их низкой трудоемкости и маломощности, отсутствие отраслевой диверсификации. Осложняют ситуацию регионально-периферийный тип географического положения и удаленность от рынков сбыта. Главные звенья системы расселения района – центры расселения – также подвержены трансформации, что в условиях общей малолюдности и сокращения числа сельских населенных пунктов может привести к утрате пространственно-организующей функции района.

Ключевые слова: система расселения, депопуляция, муниципальные центры, сельские населенные пункты, Иркутская область.

Для цитирования: Зеленюк Ю. М., Салатин С. А. Трансформация сельских систем расселения Иркутской области в условиях депопуляции (на примере Чунского районного муниципального образования) // Известия Иркутского государственного университета. Серия Науки о Земле. 2023. Т. 46. С. 65–78. <https://doi.org/10.26516/2073-3402.2023.46.65>

Original article

Transformation of Rural Settlement Systems in the Irkutsk Region in the Context of Depopulation (on the Example of the Chunsky District Municipality)

Yu. M. Zelenyuk*

Irkutsk State University, Irkutsk, Russian Federation

© Зеленюк Ю. М., Салатин С. А., 2023

* Полные сведения об авторах см. на последней странице статьи.
For complete information about the authors, see the last page of the article.

S. A. Salatin

V. B. Sochava Institute of Geography SB RAS, Irkutsk, Russian Federation

Abstract. On the example of the Irkutsk region, changes in the system of rural settlement under the influence of the depopulation process are revealed. The period from 2002 to 2021 is considered. Geoinformation mapping shows a pronounced degradation of the rural settlement of most municipal districts of the region outside the Irkutsk agglomeration. The results of the study on the example of one of the municipal districts of the region — Chunksky, revealed that the process of depopulation covers all settlements: urban and rural, different functional and settlement types, with a central and peripheral intra-district geographic location. The main trigger for this process is the economic factor: deagrarianization of rural areas, a decrease in the production functions of rural settlements due to the instability of industrial and agricultural economic entities, their low labor intensity and low power, and the lack of sectoral diversification. The situation is complicated by the regional-peripheral type of geographical location and distance from sales markets. The main links of the settlement system of the area – the centers of settlement, are also subject to transformation, which, in the conditions of a general low population and a reduction in the number of rural settlements, can lead to the loss of the spatial organizing function of the area.

Keywords: settlement system, depopulation, municipal centers, rural settlements, Irkutsk region.

For citation: Zelenyuk Yu.M., Salatin S.A. Transformation of Rural Settlement Systems in the Irkutsk Region in the Context of Depopulation (on the Example of the Chunksky District Municipality). *The Bulletin of Irkutsk State University. Series Earth Sciences*, 2023, vol. 46, pp. 65–78. <https://doi.org/10.26516/2073-3402.2023.46.65> (in Russian)

Введение

Для будущего развития сельских районов демографические изменения являются ключевой проблемой, как отмечают многие исследователи [Amcoff, Westholm, 2006; Wegren, 2014], поскольку неравенство в уровне жизни, миграционный отток, возрастная и социальная трансформации структуры населения формируют демографические условия для изменения пространственной системы сельских поселений.

Современная демографическая ситуация в Иркутской области характеризуется значительными колебаниями основных демографических показателей: рождаемости, смертности, естественного прироста и численности населения. Особенности естественного движения в совокупности с многолетним миграционным оттоком определили ярко выраженные депопуляционные тенденции на большей части территории Иркутской области (за исключением зоны Иркутской агломерации), в орбиту которых вовлечены и сельские населенные пункты (СНП) (рис. 1).

Длительные условия депопуляции и экономического упадка, в которых происходило развитие сельских населенных пунктов, существенно повлияли на сформировавшуюся еще в советское время систему сельского населения. Анализ изменения численности и людности СНП показывает, что за почти два десятилетия (с 2002 по 2021 г.) количество населенных пунктов неуклонно сокращалось. Так, если в начале XXI в. на территории Иркутской области было более полутора тысяч СНП (1509), в 2010 г. – 1494, то в 2021 г. перепись зафиксировала только 1464 СНП. Сокращается количество наиболее многолюдных СНП: крупнейших (свыше 1 тыс. чел) со 129 (2002 г.) до 107 (2021 г.), крупных (от 501 до 1 тыс. чел.) с 203 до 160 СНП и средних (от 101 до 500 чел.) с 614 до 507 СНП. Рост количества малых (от 51 до 100 чел.)

и мельчайших (до 50 чел.) СНП является следствием перехода поселений из более многолюдных в менее людные группы. А так как мельчайшие населенные пункты достаточно быстро переходят в категорию СНП без населения (количество таких населенных пунктов за обозначенный период увеличилось в 2 раза – с 39 до 82) или упраздненных (по данным последней переписи их 50), а малые в мельчайшие, то тенденция обезлюдения села наблюдается почти повсеместно. Пространственно стабильными, с сохранением систем расселения и ростом численности населения, являются территории Иркутского, Шелеховского, Усольского районов, сельские населенные пункты Ангарского городского МО, т. е. территории в составе Иркутской агломерации, где активно идут процессы субурбанизации и рурбанизации, а растущая маятниковая и общая миграция меняют социальную, профессиональную, демографическую структуру сельского населения, уровень благоустройства сельских поселений. Зона относительной устойчивости распространяется и на Байкальскую рекреационную зону (преимущественно Ольхонского района) [Зеленюк, Салатин, 2022].

Однако важно не только констатировать происходящие изменения в структуре сельского расселения, но и выявить основные факторы трансформации, что чрезвычайно сложно сделать на примере столь значительной территории, как Иркутская область. Поэтому исследование также проводилось на мезоуровне (Чунское районное муниципальное образование (МО), выбранное как пример среднедепопулирующего МО за пределами крупного урбанизированного ареала – Иркутской агломерации) и микроуровне (отдельные поселения в системах расселения района) для выявления факторов и отличительных особенностей трансформации.

Методы исследования и материалы

Научной основой исследования послужили работы по социально-экономической географии и географии расселения [Основные тенденции эволюции ... , 2019; Ткаченко, 2018], включая сибирских ученых [Мисевич, Рященко, 1988]. Особое значение имели труды С. А. Ковалева [2003], разработавшего теоретические основы сельского расселения населения.

Методологическая часть работы базируется на системно-динамическом анализе, раскрывающем процесс трансформации сельских систем расселения Чунского муниципального образования с первой после распада Советского Союза Всероссийской переписи населения 2002 г. до последней 2021 г. В заключительной части работы временной диапазон расширен до 2032 г. за счет геодемографического прогнозирования, которое проводилось на основе метода экстраполяции как наиболее часто используемое в прогнозировании численности населения небольших территорий (в том числе сельских населенных пунктов). Таким образом, основными методами исследования выступили статистико-демографический, математический, геоинформационно-картографический, сравнительно-географический и др.

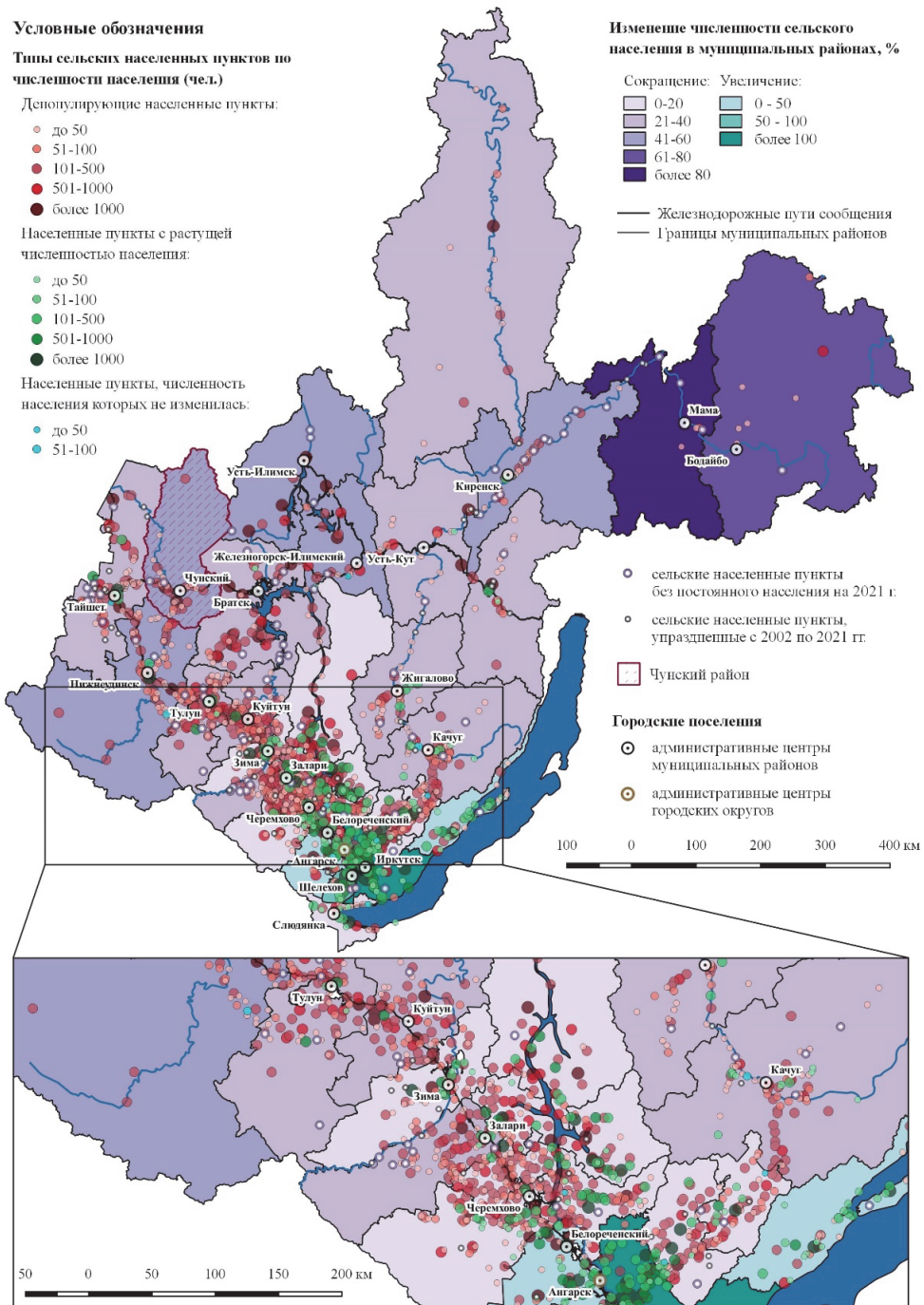

Рис. 1. Сельское расселение населения Иркутской области: изменение численности населения в 2021 г. по отношению к 2002 г.

Информационной базой послужили материалы Всероссийских переписей населения 2002¹, 2010 гг.² В связи с тем, что данные по численности постоянного населения в разрезе отдельных населенных пунктов по результатам последней переписи (2021 г.) еще не опубликованы, то статистико-демографический анализ на 2021 г. был основан на материалах, полученных по индивидуальному запросу от Федеральной службы государственной статистики по Иркутской области.

Район исследования

Чунский район, выбранный в качестве основного района исследования, является примером территории, где вследствие природных условий, экономико-географического положения, значительной площади неактивного пространства, слабой экономической базы сформировались типичные для большинства районов Иркутской области (за пределами главной полосы расселения) условия социально-экономического развития.

Район исследования расположен на северо-западе Иркутской области (см. рис. 1). На севере граничит с Красноярским краем, на северо-востоке – с Усть-Илимским, на юго-востоке – с Братским, на юге – с Нижнеудинским, на западе – с Тайшетским районами Иркутской области. Ввиду периферийного положения район удален от главной транспортной артерии региона – Транссиба. Через район проходит железная дорога Тайшет – Лена (западный участок БАМа), где концентрируется значительная часть поселений (рис. 2). Территория района удалена от крупных городских поселений (Иркутска и Красноярска), а также от основных рынков сбыта. Начиная с 1990-х гг., в районе четко прослеживается тенденция к сокращению числа жителей, за последние три десятилетия численность населения снизилась с 50 136 чел. (1989 г.) до 27 851 чел. (2021 г.), т. е. на 45,5 %, что не могло не отразиться на сети СНП.

Результаты исследования

Населенные пункты территории через административные, экономические и социальные связи формируют взаимосвязанные системы расселения. Несмотря на то что общее число населенных пунктов за анализируемый период последних переписей 2002–2022 гг. в Чунском районе осталось без изменений – 3 городских и 36 сельских, соотношение в структуре сельских населенных пунктов претерпело существенную трансформацию: двукратный рост численности мельчайших населенных пунктов и увеличение числа пунктов «без населения». Перемещение в группу «мельчайшие» происходит

¹ Федеральная служба государственной статистики. Итоги Всероссийской переписи населения 2002 г. по Иркутской области, включая Усть-Ордынский Бурятский автономный округ // Федеральная служба государственной статистики : сайт. URL: [https://38.rosstat.gov.ru/storage/mediabank/1\(9\).pdf](https://38.rosstat.gov.ru/storage/mediabank/1(9).pdf) (дата обращения: 27.08.2023); Численность сельских жителей в разрезе населенных пунктов Иркутской области, включая Усть-Ордынский Бурятский автономный округ (по итогам Всероссийской переписи населения 2002 г.) // Там же. URL: [https://38.rosstat.gov.ru/storage/mediabank/2\(10\).pdf](https://38.rosstat.gov.ru/storage/mediabank/2(10).pdf) (дата обращения: 27.08.2023).

² Итоги Всероссийской переписи населения 2010 г. по Иркутской области. Статистический бюллетень // Федеральная служба государственной статистики. URL: <https://38.rosstat.gov.ru/storage/mediabank/3vpiJbEv/totals-vpn2010-2.pdf> (дата обращения: 27.08.2023).

за счет мелких населенных пунктов, которых в системе расселения почти не осталось (1 населенный пункт), и средних. Еще одним проблемным звеном системы расселения стали крупные села. Депопуляция и переход в нижестоящие категории привели в структуре расселения Чунского района к полному исчезновению на момент последней переписи группы от 500 до 1 тыс. чел.

Относительно устойчивой остается группа крупнейших поселений (более 1 тыс. чел.). Однако за последние годы численность населения в двух поселках данного типа – Новочунка и Веселый – сократилась почти в два раза, что в ближайшее время переведет эти СНП в категорию менее 1 тыс. чел. Деградация мелких СНП – тенденция, типичная для многих регионов и уже достаточно продолжительная. Однако если в советский период перегруппировка населения происходила в пользу крупнейших поселений, то на примере Чунского района мы наблюдаем не только обезлюдение и сокращение числа мелких поселений и исчезновение промежуточных типов, но и деграцию важнейших элементов системы расселения – крупных и крупнейших СНП.

Анализируя изменения структуры расселения в условиях выраженной депопуляции, хотелось бы акцентировать внимание на причинах трансформации. Основным фактором формирования и развития населенного пункта выступает хозяйство, так как через производство товаров или услуг, необходимых и востребованных за пределами поселения, формируется экономическая специализация и основные предпосылки развития [Бакланов, 2021]. Поэтому к динамической структуре людности поселений необходимо добавить функциональную классификацию (см. табл. 1).

Основными проблемами функциональной типологии сельских поселений выступают, с одной стороны, ограниченность или полное отсутствие экономической статистики в разрезе отдельных поселений в муниципальных базах данных Росстата, с другой – нестабильность хозяйствующих субъектов в районе, представленных преимущественно малыми и микропредприятиями. Поэтому выборка необходимых статистических данных происходила из Единого реестра субъектов малого и среднего предпринимательства³, годовых отчетов муниципального образования и реестров муниципальных организаций.

Характерной особенностью Чунского района является несельскохозяйственная специализация большинства СНП. В отраслевой структуре экономики на обрабатывающие производства, представленные преимущественно предприятиями лесоперерабатывающей, химической, пищевой промышленности, приходится до 73 % выручки от реализуемой продукции, 13 % – на оптовую и розничную торговлю, доля сельского хозяйства не превышает 0,30 %⁴.

³ Единый реестр субъектов малого и среднего предпринимательства // Федеральная налоговая служба. URL: <https://rmsp.nalog.ru/search.html?mode=extended> (дата обращения: 27.08.2023).

⁴ Администрация Чунского района. Социально-экономическая ситуация. URL: https://chuna.mo38.ru/economy/sotsialno_ekonomicheskaya_situatsiya/

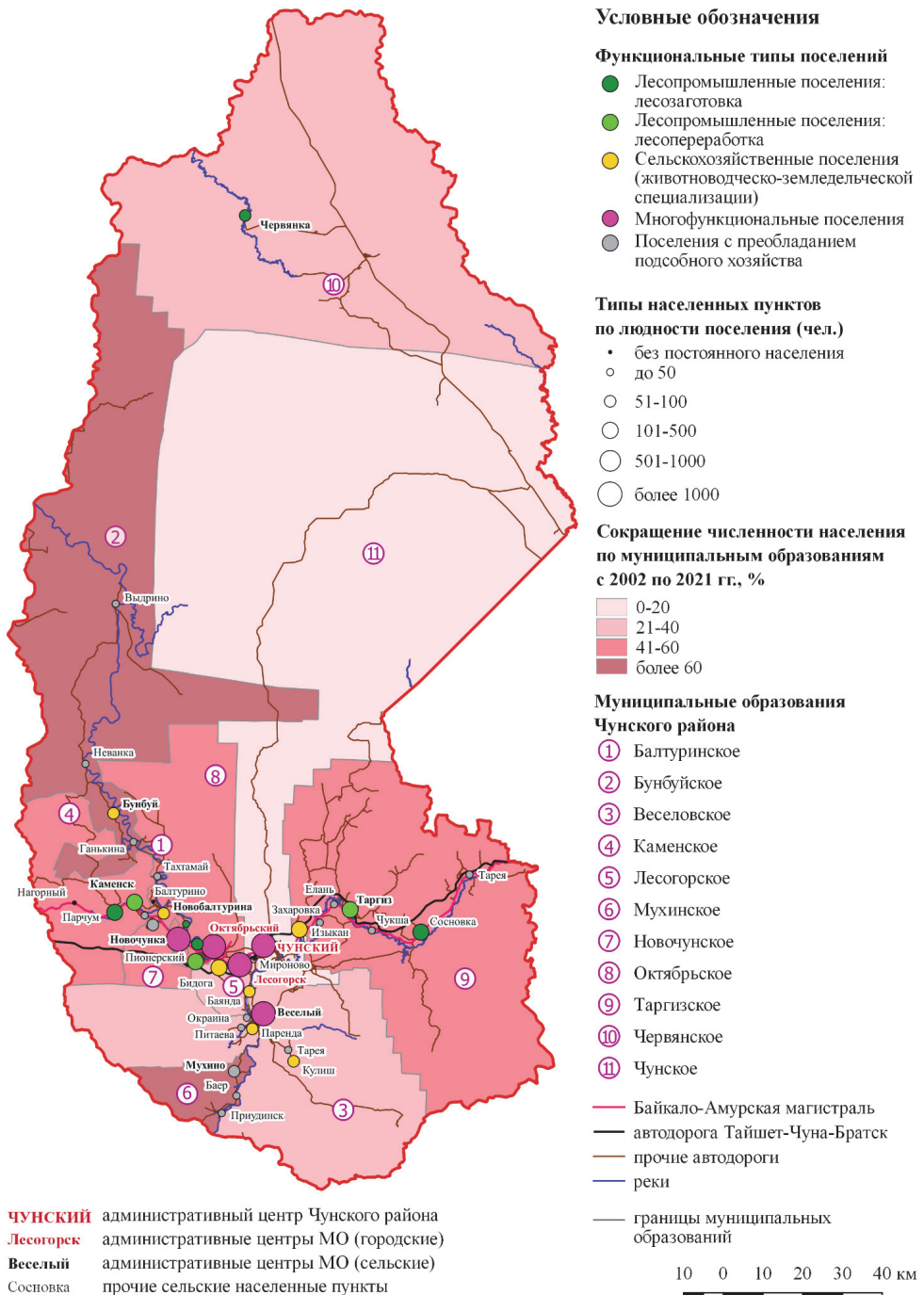

Рис. 2. Структурно-функциональные типы поселений Чунского районного муниципального образования

Таблица 1

Структурно-функциональные типы поселений Чунского района

Функциональные типы поселений	Поселения*	Муниципальное образование	Типы поселений по численности населения, чел. (2021 г.)	Динамика типов поселения с 2002 по 2021 г.
Сельские поселения				
Лесопромышленные поселения: лесозаготовка	д. Новочунка	Балтуринское	до 50	не изменилась
	пос. Парчум	Каменское	101–500	крупное – среднее
	пос. Пионерский	Новочунское		не изменилась
	пос. Сосновка	Таргизское		крупное – среднее
с. Червянка	Червянское	не изменилась		
Лесопромышленные поселения: лесопереработка	пос. Каменск	Каменское	101–500	крупное – среднее
	пос. Хоняки	Октябрьское		не изменилась
	пос. Таргиз	Таргизское		крупное – среднее
Сельскохозяйственные поселения (животноводческо-земледельческой специализации)	д. Новобалтурина	Балтуринское	101–500	не изменилась
	д. Кулиш	Веселовское		не изменилась
	д. Паренда	Веселовское		не изменилась
	пос. Бидога	Лесогорское		крупное – среднее
	пос. Изыкан	Таргизское		крупное – среднее
	с. Баянда	Лесогорское		не изменилась
	с. Бунбуй	Бунбуйское		не изменилась
Многофункциональные поселения	пос. Новочунка	Новочунское	более 1000	не изменилась
	пос. Веселый	Веселовское		не изменилась
Поселения с преобладанием подсобного хозяйства	д. Ганькина	Бунбуйское	до 50	не изменилась
	д. Захаровка	Таргизское		не изменилась
	д. Неванка	Бунбуйское		не изменилась
	д. Крайна	Веселовское		не изменилась
	д. Питаева	Веселовское		не изменилась
	д. Таря	Веселовское		мелкое – мельчайшее
	д. Тахтамай	Балтуринское		среднее – мельчайшее
	пос. Елань	Таргизское		среднее – мельчайшее
	пос. Кедровый	Каменское		мелкое – мельчайшее
	пос. Приудинск	Мухинское		среднее – мельчайшее
	пос. Таря	Таргизское		мелкое – мельчайшее
	пос. Чукша	Таргизское		мелкое – мельчайшее
	с. Баер	Мухинское		мелкое – мельчайшее
с. Выдрино	Бунбуйское	среднее – мельчайшее		

Окончание табл. 1

Функциональные типы поселений	Поселения*	Муниципальное образование	Типы поселений по численности населения, чел. (2021 г.)	Динамика типов поселения с 2002 по 2021 г.
	д. Мухино	Мухинское	51–100	среднее – мелкое не изменилась
	пос. Заводской	Новочунское		
Городские поселения				
Многофункциональные поселения	рп. Лесогорск	Лесогорское	от 3 до 5 тыс.	от 5 до 10 тыс. – от 3 до 5 тыс.
	рп. Октябрьский	Октябрьское	от 3 до 5 тыс.	от 5 до 10 тыс. – от 3 до 5 тыс.
	рп. Чунский	Чунское	более 10 тыс.	не изменилась

* – жирным шрифтом выделены центры расселения.

Лесная промышленность – одна из основных отраслей экономики района, развивающаяся на базе лесосырьевых ресурсов. Лесопромышленное расселение как особый тип сельского расселения сложился в основном в советское время. Сеть постоянных лесных поселков, порожденная крупной лесной индустрией, сформировалась, когда была преодолена сезонность лесозаготовок, что позволило закрепить постоянные кадры на месте и сформировать сеть населенных пунктов. Освоение глубинных лесных массивов Иркутской области происходило вдоль главных транспортных линий (рек, железнодорожных и автомобильных дорог). Байкало-Амурская магистраль (связанная с Транссибом), которая прошла по югу Чунского района, обеспечила вывоз сырья и его первичную переработку в важнейших транспортных узлах.

Анализ исходных данных позволил выделить два типа лесопромышленных поселений (см. табл. 1), специализирующихся на 1) лесозаготовках (поселки Парчум, Пионерский, Сосновка, с. Червянка и д. Новочунка) и 2) лесопереработке (поселки Каменск, Хоняки, Таргиз), однако средние и крупные предприятия лесопереработки сосредоточены в городских муниципальных образованиях (Чунском, Октябрьском, Лесогорском), где в совокупности с разнообразными учреждениями социальной инфраструктуры, предприятиями пищевой и химической промышленности сформировался тип многофункциональных поселений.

Сельские населенные пункты, созданные на базе лесных ресурсов района, не характеризуются разнообразием типов как по размерам поселений (большинство поселений среднего типа, т. е. в диапазоне 100–500 чел.), так и по производственным функциям. Половина из них за последние годы трансформировалась из крупных в средние по причине маломощности функционирующих предприятий и узости специализации поселений.

Сельскохозяйственный тип поселений не является основным в системе расселения района вследствие природно-экономической специфики территории. Функционирующие предприятия имеют животноводческо-земледельческую специализацию и относятся к субъектам малого и среднего предпринимательства, ориентированных на внутренний рынок.

Наиболее многочисленный тип поселений района (16) – с преобладанием личного подсобного хозяйства. Это мельчайшие поселения или средние и мелкие, перешедшие в данную категорию по причине депопуляции, вызванной закрытием предприятий, преимущественно крестьянско-фермерских хозяйств (КФХ) (например, в с. Выдрино за последние годы закрылось 8 КФХ), промышленных объектов (в с. Сосновка – ликвидированы кирпичный завод, конебаза и т. д.), сворачиванием социальной инфраструктуры, потери низовых административно-управленческих функций. В условиях низкой покупательной способности населения (среднедушевой доход в районе в 2022 г. составлял 15 956 руб.) и высокой безработицы личное подсобное хозяйство выступает основным источником выживания значительной части населения в современных экономических условиях, и только в некоторых случаях обеспечивает переход от натурального к мелкотоварному производству.

Отражением процессов трансформации в сельском расселении служат изменения и в сети центров расселения (ЦР), под которыми понимаются населенные пункты, где располагаются какие-либо социально значимые объекты, способные притягивать жителей других населенных пунктов. Пространственно-организующими объектами выступают органы управления, учебные и медицинские учреждения, объекты культуры и спорта и т. д. Наличие этих объектов придает населенному пункту центральные функции и превращает его в центр расселения [Ткаченко, 2018].

В Чунском районе такими поселениями (помимо поселков городского типа) выступают СНП, возглавляющие муниципальные образования, а также местные центры значимой социальной инфраструктуры (см. табл. 1). Исследование показало, что сеть центров расселения, как и вся сеть СНП, находится в состоянии деградации. Уровень депопуляции за обозначенный период составил 40–50 %. Половина ЦР (рп. Лесогорск, рп. Октябрьский, пос. Таргиз, пос. Каменск, д. Мухино) переместилась вниз по ступеням иерархии. При этом анализ пространственной локализации социальной инфраструктуры указывает на то, что объекты максимально сохранены: районный центр – рп. Чунский – концентрирует все основные объекты социальной инфраструктуры; муниципальные центры обслуживания (6) имеют в составе врачебные амбулатории или фельдшерские пункты, средние или основные образовательные школы, детские сады, спортивные залы и площадки на базе образовательных учреждений. Большинство поселений, относящихся к населенным пунктам внутриселенного обслуживания, имеют минимальный набор учреждений социальной инфраструктуры.

Таким образом, основным фактором деградации системы сельских населенных пунктов выступает экономический – выраженная моноспециализация поселений, сочетающаяся с ограниченной занятостью населения на маломощных предприятиях, ориентированных преимущественно на базовые производства с низкой степенью переработки сырья и невысокой добавленной стоимостью продукции. Закрытие подобных предприятий или КФХ приводит к трансформации поселений сначала в категорию «с преобладанием подсобного хозяйства», а через несколько лет и в категорию «без населе-

ния». При этом анализ данных с применением метода экстраполяции показывает, что в ближайшее десятилетие тенденция сокращения численности населения района продолжится. Это приведет к исчезновению категории крупнейших СНП, количество средних сельских населенных пунктов сократится с 15 до 8, а количество населенных пунктов без постоянного населения возрастет с 3 до 12 за счет полного сокращения численности населения в ряде мельчайших поселений (табл. 2), что будет способствовать утрате пространственно-организующей функции района.

Таблица 2

Динамика сельских населенных пунктов Чунского района по типам людности за период с 2002 по 2021 г. по данным Федеральной службы государственной статистики

Типы населенных пунктов по численности населения	Годы			
	2002	2010	2021	2032*
Крупнейшие (более 1000 чел.)	2	2	2	0
Крупные (501–1000 чел.)	6	4	0	2
Средние (101–500 чел.)	15	14	15	8
Мелкие (51–100 чел.)	5	4	1	5
Мельчайшие (до 50 чел.)	7	11	15	9
Населенные пункты без постоянного населения	1	1	3	12

* – прогнозируемый период (данные рассчитаны автором).

Подводя итог, можно отметить, что упадок сельской местности – неизбежный процесс в эпоху постиндустриального развития общества. Как отмечают многие российские и зарубежные исследователи, одной из основных причин которого выступает тот факт, что село значительно проигрывает в уровне жизни населения городам, закручивая спираль изменений: внешняя миграция молодежи в города → сокращение сельских сообществ и изменение их возрастной структуры → постепенное сворачивание сферы услуг → закрытие предприятий → снижение социального потенциала и его качественных характеристик → усиление внешней миграции [Li, Westlund, Liu, 2019; Torre, Wallet, 2016; Friedmann, 1966]. Однако на примере Чунского района мы видим, что основными факторами депопуляции выступают прежде всего «деаграризация сельской местности и уменьшение производственных функций СНП» – типичные, как указывают некоторые авторы [Алексеев, Сафронов, Савоскул, Кузнецова, 2019], факторы для нечерноземной зоны России. Столь значительная деградация системы расселения района является также следствием его экономико-географического положения. Как отмечают в исследованиях [Westlund, 2018; Westlund, Kobayashi, 2013; Pallot, Nefedova, 2003], сельские районы, расположенные за пределами положительного влияния городов, лишены какого-либо потенциала для эндогенного роста и развития, и только внешний спрос на их продукцию или ресурсы может стимулировать рост экономики. Таким районам, как Чунский, не включенным в орбиту тесных агломерационных связей (общеекономических, социальных, производственных и др.), сложно расширить взаимодействие своих населенных пунктов за счет новых форм связей, например, рекреационных или маятниковых миграций, которые позволили бы сохранить демографический потенциал сел и общую систему расселения.

Заключение

Таким образом, развитие сети сельских поселений Иркутской области происходит под сильным влиянием процесса депопуляции на обширных пространствах за пределами главной полосы расселения. Результаты проведенного исследования на примере Чунского района показывают:

1. Ярким выраженным процессом депопуляции охвачены все населенные пункты: городские и сельские, разные функциональные и расселенческие типы, с центральным и периферийным внутрирайонным географическим положением и т. д.

2. Трансформация затрагивает прежде всего перегруппировку населения по типам людности: переход из категорий мелкие в мельчайшие, из крупных в средние; исчезновение промежуточных типов (малых и крупных). При этом перетока трудовых и людских ресурсов в целом в направлении средних, крупных и крупнейших по численности населения СНП практически не происходит. Естественная и миграционная убыль населения (направленная преимущественно в крупные города – Иркутск, Красноярск, Братск) в перспективе может упростить систему расселения, на что указывают прогнозные расчеты.

3. В системе расселения района главные и наиболее жизнеспособные звенья организации пространства – центры расселения – также подвержены деградации, а так как именно им принадлежит важнейшая роль в поддержании целостности территории, социальном обслуживании населения, концентрации основных субъектов хозяйственной деятельности, то изменения затрагивают всю систему расселения, а не только ее низовые звенья.

4. «Жизнеспособные» СНП (сохранившие хозяйственно-производственные и социально-обслуживающие функции) и деградирующие поселения теряют возможности для своего развития в силу узости экономической базы – отсутствия отраслевой диверсификации, нестабильности промышленных и аграрных хозяйствующих субъектов и их низкой трудоемкости, ограниченных возможностей получения различных услуг населением (в связи с малолюдностью местных центров).

5. Решение проблемы систем расселения лежит прежде всего в экономической плоскости: формировании производств с глубокой степенью переработки в таких отраслях, как лесная, лесохимическая и пищевая промышленность, расширение рынков сбыта; привлечение инвестиций для дифференциации подотраслевой и отраслевой структуры экономики; расширении экономических связей с другими районами Иркутской области и Красноярского края.

Список литературы

Бакланов П. Я. Поселение как целостный объект интегральных географических исследований // Вестник Московского университета. Серия 5, География. 2021. № 4. С. 3–11.

Зеленюк Ю. М., Салатин С. А. Трансформация сельских систем расселения Иркутской области в условиях депопуляции // Человеческий потенциал в ресурсном регионе – проблемы развития. 2022. С. 38–43.

Ковалев С. А. Избранные труды. Смоленск : Ойкумена, 2003. 438 с.

Мисевич К. Н., Рященко С. В. Географическая среда и условия жизни населения Сибири. Новосибирск : Наука. Сиб. отд-ние, 1988. 120 с.

Основные тенденции эволюции сельского расселения России в XX – начале XXI в. / А. И. Алексеев, С. Г. Сафронов, М. С. Савоскул, Г. Ю. Кузнецова // ЭКО. 2019. № 4. С. 26–49.

Ткаченко А. А. Ключевые понятия теории расселения: попытка переосмысления // Вестник Московского университета. Серия 5, География. 2018. № 2. С. 10–15.

Amcoff J., Westholm E. Understanding rural change – demography as a key to the future. Arbetsrapport, 2006. 19 p.

Friedmann J. Regional Development Policy. Boston : MITI, 1966. 278 p.

Li Y. H., Westlund H., Liu Y. S. Why some rural areas decline while some others not: An overview of rural evolution in the world // Journal of Rural Studies. 2019. Vol. 68. P. 145–163.

Pallot J., Nefedova T. Differentiation in Household Production in Rural Russia // Eurasian Geography and Economics. 2003. Vol. 44. P. 40–65.

Torre A., Wallet F. Regional Development in Rural Areas. Analytical Tools and Public Policies. Springer, 2016. 110 p.

Wegren S. K. Rural inequality in post-Soviet Russia // Problems of Post-Communism. 2014. Vol. 61, N 1. P. 52–64.

Westlund H. Urban-rural relations in the post-urban world // In the Post-Urban World: Emergent transformation of cities and regions in the innovative global economy. 2018. P. 70–81.

Westlund H., Kobayash K. Social capital and sustainable urban-rural relationships in the global knowledge society // Social capital and rural development in the knowledge society. 2013. P. 1–18.

References

Baklanov P.Ja. Poselenie kak celostnyj ob'ekt integralnyh geograficheskikh issledovanij [Settlement as an integral object of integral geographical research]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 5, Geografija* [Bulletin of the Moscow University. Series 5, Geography], 2021, no. 4, pp. 3–11. (in Russian)

Zelenjuk Ju.M., Salatin S.A. Transformacija selskikh sistem rasselenija Irkutskoj oblasti v uslovijah depopuljacji [Transformation of rural settlement systems of the Irkutsk region in conditions of depopulation]. *Chelovecheskij potencial v resursnom regione – problemy razvitiija* [Human potential in a resource region – problems of development.], 2022, pp. 38–43. (in Russian)

Kovalev S.A. *Izbrannye Trudy* [Selected works]. Smolensk, Oikumena Publ., 2003. 438 p. (in Russian)

Misevich K.N., Ryashchenko S.V. *Geograficheskaya sreda i usloviya zhizni naseleniya Sibiri* [Geographical environment and living conditions of the population of Siberia]. Novosibirsk, Science, Siberian branch Publ., 1988, 120 p. (in Russian)

Alekseev A.I., Safronov S.G., Savoskul M.S., Kuznecova G.Ju. Osnovnye tendencii jevoljucii sel'skogo rasselenija Rossii v HH – nachale HHI vv. [The main trends in the evolution of rural settlement in Russia in the 20th – early 21st centuries]. *JeKO* [ECO], 2019, no. 4, pp. 26–49. (in Russian)

Tkachenko A.A. Kljuchevyje ponjatija teorii rasselenija: popytka pereosmyslenija [Key concepts of the theory of settlement: according to the torture of reinvention]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 5, Geografija* [Bulletin of the Moscow University. Series 5, Geography], 2018, no. 2, pp. 10–15. (in Russian)

Amcoff J., Westholm E. Understanding rural change – demography as a key to the future. *Arbetsrapport*, 2006, 19 p.

Friedmann J. *Regional Development Policy*. Boston, MITI, 1966, 278 p.

Li Y.H., Westlund H., Liu Y.S. Why some rural areas decline while some others not: An overview of rural evolution in the world. *Journal of Rural Studies*, 2019, vol. 68, pp. 145–163.

Pallot J., Nefedova T. Differentiation in Household Production in Rural Russia. *Eurasian Geography and Economics*, 2003, vol. 44, pp. 40–65.

Torre A., Wallet F. *Regional Development in Rural Areas. Analytical Tools and Public Policies*, Springer, 2016. 110 p.

Wegren S.K. Rural inequality in post-Soviet Russia. *Problems of Post-Communism*, 2014, vol. 61, no. 1, pp. 52–64.

Westlund H. Urban-rural relations in the post-urban world. *In the Post-Urban World: Emergent transformation of cities and regions in the innovative global economy*, 2018, pp. 70–81.

Westlund H., Kobayash K. Social capital and sustainable urban-rural relationships in the global knowledge society. *Social capital and rural development in the knowledge society*, 2013, pp. 1–18.

Сведения об авторах

Зеленюк Юлия Михайловна

кандидат географических наук,
доцент кафедры географии, картографии
и геосистемных технологий
Иркутский государственный университет
664003, Россия, Иркутск, ул. К. Маркса, 1
e-mail: zelenyuk.jm@yandex.ru

Салатин Сергей Александрович

аспирант
Институт географии им. В. Б. Сочавы
СО РАН
664033, Россия, Иркутск,
ул. Улан-Баторская, 1
e-mail: salatin.s@yandex.ru

Information about the authors

Zelenyuk Julia Mikhailovna

Candidate of Science (Geography)
Associate Professor, Department of Geography,
Cartography and Geosystem Technologies
Irkutsk State University
1, K. Marx st., 664003, Irkutsk,
Russian Federation
e-mail: zelenyuk.jm@yandex.ru

Salatin Sergey Alexandrovich

Postgraduate
V.B. Sochava Institute of Geography SB RAS
1, Ulan-Batorskaya st., 664033, Irkutsk,
Russian Federation
e-mail: salatin.s@yandex.ru

Код научной специальности: 1.6.13.

Статья поступила в редакцию **28.08.2023**; одобрена после рецензирования **20.11.2023**; принята к публикации **05.12.2023**

The article was submitted **August, 28, 2023**; approved after reviewing **November, 20, 2023**; accepted for publication **December, 05, 2023**